

Он оставался настоящим мужчиной до последнего вздоха

Кресло еще хранило его тепло.

Меня усадили за письменный стол Нагибина. Кабинет с большим вкусом обставлен ампирной, красного дерева мебелью из коллекции французского мастера. Таких в мире всего три. Нагибин купил его почти 20 лет назад у жены американского журналиста Стивенса. Тогда он стоял две тысячи рублей.

— Многие завидовали деньгам, удачливости Юры. Да, у него рано появились машина с личным шофером, домработница, дача... Но никто не хочет понять, что это был как торжник, шахтер. Фон всей моей жизни — стук пишущей машинки, — говорит вдова писателя Алла.

Высшей оценкой трудолюбия, одержимости в писательской среде была шутливая фраза: «Ты, старик, работаешь, как Нагибин».

В шутку же остроловы «Ленфильм» переименовали в «Нагибинфильм». Ленинградские литераторы обижались, что писатель из Москвы отеснил их от киношной кормушки. Юрий Нагибин написал более сорока сценариев.

В первые наши встречи я задал ему детский, но вечный вопрос: «Что такое счастье, Юрий Маркович?» Он ответил:

— Вы помните «Прощай, оружие!» Хемингуэя? Там лейтенант Генри отвечает на ваш вопрос: счастье — в любимой женщине. Когда я прочел этот ответ лейтенанта, то, помню, подумал: Боже мой, как бедно... Гораздо больше счастья в творчестве, в путешествиях, приключениях... Такое запоздалое мужичество во мне говорило. Уж любимая женщина, она всегда найдет, думал я.

А на излете жизни и я пришел к этой необычайной мудрости лейтенанта Генри и Хемингуэя: счастье — в любимой женщине

Я был не раз женат, и каждая женщина что-то внесла в мою жизнь. Я думаю, что и я каждой из них что-то дал, а не был только мужем. Моя первая любовь — моя первая жена...

Впервые Нагибин женился мальчишкой — в неполных 20 лет. Его первой женой была Маша Асмус — дочь известного философа, литератора. Нагибин попал в среду богемы: Пастернак, Нейгауз, Платонов, Рихтер...

Включаю диктофон: — Я хорошо знал жену Пастернака Зинаиду Николаевну, бывшую Нейгауз. Поймите, я не отнющу и не мог относиться к ней предвзято: как можно относиться предвзято к жене поэта, которого боготворил? Но эта связь была гибелью для поэта. Зинаида Николаевна была крайне резка, даже груба с ним. Я их наблюдал, и у меня не шелось ни одного теплого чувства. Он умирал от рака легкого на первом этаже дома, а компания во главе с Зинаидой Николаевной на втором этаже дулась в карты...

Чтобы не потеряться на этой земле, Нагибин и Маша расписались. Нагибин ушел на фронт. Когда вернулся, Маша была уже с другим.

— Вот говорят, Юра был шесть раз женат. Да один раз он был женат! Раз — и на всю жизнь: на ЛИТЕРАТУРЕ. Это было его убежищем, — говорит Алла.

Включаю диктофон и снова слышу его голос:

— Я замечательно работаю в своей профессии, но и это трудно назвать счастьем. Только муки в этом, постоянное чувство неудовлетворенности собой. Это мое главное дело, но не главное счастье. Возможно, в конечном итоге это может оказаться высшим счастьем в моей жизни, то, что я делаю, но сам я как счастье это не ощущаю. Меня до сих пор, как ни странно, не разочаровал лишь единственный мой рассказ. Это «Рассказ синего лягушонка».

Это рассказ об Алле, моей нынешней жене. Я превратился в лягушонка, а потом встретил косяку, в которую превратилась Алла.

«К поре нашей встречи во мне угасли низкие страсти затаившейся молодости (справедливо, что не дает плодов то дерево, которое не цвело весной, но плохо, когда весна слишком затягивается и цветение становится ложным — пустоцвет), и, уже не отягощенный ими, каждый Божий день, каждый Божий час жил своей любовью, что не мешало работе, радости от книг, музыки, живописи, новых мест, социальной заинтересованности и все обостряющемуся чувству природы».

(Из «Рассказа синего лягушонка»).

Второй женой Нагибина стала Валя — дочь директора автозавода Лихачева. «Валя, как и ее мать, хорошо держала выпивку, в любой компании досиживала до конца, не теряя рассудка. Утром у нее разламывалась голова, но лицо оставалось румяным и свежим», — пишет Нагибин.

Нагибин признавался, что так и не разобрался в моральном кодексе этих людей. Точнее, их среды. В этих людях причудливо уживались запреты чистых людей и беспредел свободы, о котором он даже не подозревал. Сам Лихачев имел вторую семью — с квартирой, налаженным бытом. И все знали об этом, но воспринимали как данность. Уйти из «основной» семьи к другой женщине считалось патологическим преступлением.

«Еще до того, как я попал в семью, мне пришлось срочно пересмотреть свои представления о пьянстве. В моей прошлой среде меня считали лихим выпивохой, здесь я долго ходил в непьющих. Понадобилось немало времени и сил, чтобы исправить репутацию. Я научился опохмеляться. Стопка водки, взятая натощак, или пара пива мгновенно снимали головную боль и тяжкую похмельную одурь. Передо мной открылись безбрежные горизонты. В негабиваемую пору моего жени-

Накануне смерти он поставил последнюю точку в своем первом романе, посвященном его первой любви. На следующий день Юрий Маркович ушел. Вчера писателю Юрию Нагибину исполнилось бы 75 лет.

НЕКРОПОЛЬ

хования я стал настоящим пьяницей».

Я читаю его дневники. Мать Юры была из дворян. До того, как их разорили большевики, они владели поместьем на Юге. Она была дальней родственницей Бунина. Человек редкостного ума и очень сложного характера. Она не хотела ни с кем делить сына.

Впрочем, мы перескочили. Мы еще не закончили историю с Валей. Женившись на ней, Нагибин увлекся... ее мамой, то бишь собственной тещей. И сделал все, чтобы добиться взаимности.

Конечно, он, как всегда, победил. Читаю:

«...Теперь две энергии сливались ради единой цели».

Мой организм стал громаден, безграничен, как пространство, открывшееся гоголевскому колдуну, и в бесконечной дали этой вселенной, которая была мной, возникло какое-то жжение, нежно изыскавшее пошнпывание; оно все нарастало и превратилось в электронный штурм, расстреливающий каждую ткань наобозь. ...Я упал на любимую, опрокинув ее. И тут прорвало. Мне казалось, я истеку весь, без остатка, исчезну, сгиню, но так и надо, раз все сбылось».

Все произошло на даче, в бильярдной. Нагибин был застигнут равнодушным, но от этого не менее ревнивым мужем хозяйки, другом Кагановича и Молотова, любимцем Сталина — директором завода Лихачевым, отцом Вали...

Нагибин сиганул в свое будущее прямо из окна второго этажа.

Потом были Лена и Ада. И та, и другая были престелестны. Про Лену я знаю мало. Про Аду знаю лишь то, что она была известной в свое время эстрадной артисткой. Они шумно, азартно, с выдумкой отдыхали, получив гонорары: Юрий Нагибин, Александр Галич. И Ада.

— Почему не была на прощании с Нагибиным Белла Ахмадулина? — спросил я Аллу. — Или я не заметил ее в суматохе Дома кино?

— Она была. От нее Юре принесли огромный букет палевых роз.

Сейчас я уверена, что если бы не было в судьбе Юры Беллы, то его не было бы и в моей судьбе. Траектории полета этих звезд не могли не пересечься.

— Гете сказал: «Трудно любить за что-нибудь, легко любить ни за что». А у меня другое: я знаю, за что люблю, и знаю, что ни за что — тоже. Это самое большое сча-

стье в жизни для мужчины — такая подруга, — говорил мне Нагибин про Аллу.

Алла с печалью шутит:

— Юра был в браке в сумме лет 80. Но 26 лет мы были вместе.

Нагибин познакомился с Аллой на блинах, в гостях у сценариста Шлепянова («Мертвый сезон»). Нагибин был с Беллой. И Алла была не одна. Пили чай с вареньем из лимонных корочек. Белла читала стихи. Нагибин обратился к Алле: «Приезжайте в Москву. Я вам покажу Москву, которой вы еще не видели».

Потом они не виделись год. Через год в квартире Аллы раздался звонок: «Вас беспокоит покойный Нагибин». Он ехал на охоту через Ленинград. Потом он напишет в дневнике: «Я ехал на охоту, а оказалось, ехал за самим собой».

Алла была дома одна. Он пригласил ее в ресторан гостиницы «Европа». Она опоздала. Он сидел с друзьями и с каждым поспорил, что Алла придет.

После ресторана они пошли на рынок, и Нагибин скупил для Аллы все до единого цветы.

В Пахру она приехала утром 10 января 1968 года с легким чемоданчиком.

Теперь Нагибина нет, а она, Алла, есть.

— В последние дни Юра часто выходил посидеть на террасе. На ходу бросил мне: «Когда сдохну, продай все и уезжай». Я пропустила его слова мимо ушей.

— Вы уедете?

— Ни-когда! От себя не уедешь. Пока я здесь — и Юра здесь. Я до сих пор нахожусь в креслах его волосы.

Крупный молодой эрдель ворвался в кабинет, бесцеремонно поставил свои лапы мне на плечи, будто пригласив танцевать, кисло дохнул в лицо кукурузными хлопьями с молоком.

— Это Пашка, — сказала Алла. — Когда Юра ушел, Пашке было три месяца. У Юры в доме всегда были только эрдели. Он сам по темпераменту, по природе был близок к этой породе: он до старости лет играл, до старости оставался ребенком. Он был юношей с седой головой.

До Пашки в доме был Проша. Проша прожил все, что отмерено Богом собаке. Он умер тихо, в ночь на 15 февраля. Не умер, уснул, уронив красивую, в седой пене волос голову на тапки хозяина.

Хозяин пережил любимую собаку на четыре месяца. Читаю в его дневнике: «Ушла любимая собака, но ушло еще что-то более великое. Отлетел ангел от нашего дома. Им сохранялась гармония в нашем тяжелом больном забытии. Сейчас страшная пустота. Ни одна смерть меня так не поразила, разве что мамина».

Терять можно только в молодости. В старости потерянное невосполнимо».

На одном из вечеров в память А. С. Пушкина Нагибин поднял тост, выражающий его отношение к поэту и к жизни как к таковой: «За ваше здоровье, Александр Сергеевич! За ваше здоровье, Юрий Маркович».

Сергей РЫКОВ.

Фото из семейного архива Нагибиных.